

колгосп 22 голови, Полтавської області – 15 голів. Поряд з цим незадовільною була ситуація в Миколаївській області, де встановлений мінімум було виконано на 31,2 %, Кіровоградській – на 41,6 %, Одеській – на 51,3 %, Херсонській – на 58,2 % [Подано та вираховано за: 3, 31 – 33].

Однак слід зауважити, що недовиконання державного плану не може применшити значення зростання поголів'я робочих коней і волів у колгоспах для збільшення тяглових ресурсів сільського господарства в областях УРСР. А наявність великого поголів'я молодняка забезпечила поповнення живого тягла в 1946 – 1947 рр. значною кількістю робочих коней і волів.

1. Див.: Українська ССР в Великій Отчественной войне Советского Союза 1941 – 1945 гг.: В 3 Т. – К.: Политиздат Украины, 1975. – Т. 2.; Т. 3.; История Украинской ССР. В 10 т. – К.: Наукова думка, 1984. – Т. 8.; История народного хозяйства Украинской РСР. У 3 Т., 4 кн. – К.: Наукова думка, 1985. – Т. 3.; Канєвський О.П. Відбудова і розвиток сільського господарства УРСР. – К.; Х.: Держсільгоспвидав УРСР, 1947.; Буцько М.О., Данилюк М.З. Колгоспне селянство Радянської України в роки Великої Вітчизняної війни // Історія селянства Української РСР: в 2 т. – К.: Наукова думка, 1967. – Т. 2.; Буцько М.О., Лавринович М.І. Відродження колгоспного села. (Комуністична партія України – організатор відбудови сільського господарства республіки в роки Великої Вітчизняної війни). – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1968.; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отчественной войны. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука. – 1970.; Лисенко О.Є., Перехрест О.Г. Українське село в роки Другої світової війни. // Історія українського селянства. Нариси в 2-х томах. – Т. 2. – К.: Наукова думка, 2006.
2. Канєвський О.П. Відбудова і розвиток сільського господарства УРСР. – К.; Х.: Держсільгоспвидав УРСР, 1947.
3. Центральний державний архів вищих органів влади України (далі ЦДАВО України) – Ф. Р – 27. – Оп. 17. – Спр. 8882.
4. Складено та вираховано за: ЦДАГО України. – Ф.1. – Оп. 23. – Спр. 3987.
5. Державний архів Хмельницької області. – Ф. Р – 791. – Оп. 2. – Спр. 1113.
6. ЦДАВО України. – Ф. Р – 27. – Оп. 17. – Спр. 8864.
7. Ткачова Л. І. Вказ. праця.
8. Арутюнян Ю.П. Советское крестьянство в годы Великой Отчественной войны. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука. – 1970.
9. Народне господарство в Українській РСР в 1959 році. Статистичний щорічник. – К., 1960.

А. Посадский

ВОЙНА И МИР РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕРЕВНИ

Житейский пласт Гражданской войны только начинает комплексно изучаться. Можно назвать работу И. Нарского [1], однако приходится отметить, что она носит более описательно-хрестоматийный, нежели аналитический характер. Между тем этот пласт интересен не только сам по себе, но и как объяснительная база для понимания мотивов и поступков людей, которым довелось жить и действовать в то трагическое время. Переплетение в годы Гражданской войны нормативных и обычно-правовых ситуаций с духом и весьма расплывчатой „буквой” „революционной законности” создавало причудливые сочетания. Особенно ярко это проявлялось в деревне. Автор данной статьи ставит за цель показать повседневную жизнь саратовской деревни в период военного коммунизма.

Стереотипное представление о мужицкой судьбе в годы междоусобицы выразили знаменитые фразы киногероев Бориса Чиркова и Евгения Лебедева: „Белые пришли – грабят, красные пришли – тоже... начинают. Куда бедному крестьянину податься?” и „Опять власть меняется!” Действительность, разумеется, была сложнее, часто трагичнее, иногда – забавнее.

Еще один расхожий стереотип: Гражданская война – это брат на брата, в этом ужас и безысходность. Действительно, во всех социальных группах были расколотые семьи, не исключая офицерских. Из последних можно назвать Свечинных, Махровых, Беренсов. Это сюжет любой гражданской войны: так, на исходе первой Смуты, в феврале 1619 г., в бою государевых и воровских казаков казак Осип Федоров пленил своего родного брата Тимофея [2, 198].

Однако реальность эпохи военного коммунизма была необычайно пестрой, ведь каждая деревня имела „свою” революцию. При желании можно выстроить внушительный ряд любых примеров. Говоря о Гражданской войне, чаще делают акцент на фактах розни, вражды, разъединения. Но деревня пронизана тысячами нитей, тысячами разнохарактерных связей, она не всегда община в строгом смысле, но всегда – общезиждество. Иногда это очень своеобразно преломлялось в событиях междоусобицы. Мы рассмотрим несколько саратовских сюжетов революционной поры.

Вот как развивались события в большом селе Балтай Вольского уезда в июле 1918 г. 1-го июля в результате городского восстания, поддержанного волостями, пал красный Вольск. По уезду началось брожение. В Балтае у председателя волысполкома В.И. Федотова начали требовать общеволостного собрания. Вскоре ударили сполох, собралась огромная толпа из трех сел, настроенная против Совета. Председателем собрания избрали Карева – бывшего полицейского стражника, хотя и бедняка. Он сказал что-то про „конец нашему врагу пролетариату”. Стали избирать земскую единицу. Председателем ее стал И.П. Бураков – бывший председатель земства, от него Совет считанные месяцы назад и дела принимал. Все избранные члены оказались из бывшего земства, то есть фактически их вновь пригласили к власти. Сельсоветчиков начали арестовывать, на окраинах села расставили охрану. Карева оставили старостой над Балтаем, и собрание стало расходиться. Как будто, состоялся весьма дружный классический деревенский переворот в условиях приближающегося фронта и смены власти в уезде. Однако самое интересное началось на утро. Председатель свергнутого волысполкома имел мужество явиться в исполком и начал заниматься делами. Здесь же оказался, естественно, и Бураков, который потребовал сдать дела и кассу. Федотов попросил документ, на основании которого он должен сдать дела. Бураков, вполне понятно, сослался на решение волостного собрания. Но Федотов дела не сдал, и тогда Бураков принес от Карева записку-распоряжение. Федотов потребовал протокол вчерашнего собрания, Бураков ответил, что его готовят и скоро вручат. Пока длились эти препирательства, появились посетители, и начался разнобой: кто идет в земство, кто требует бумагу от совета. Явившемуся Кареву Федотов заявил, что он подчиняется советской власти, Бураков на следующий день не явился, и все пошло прежним порядком, по-советски [3, 1 – 2]. Если вспомнить, что дело начиналось с массового агрессивного бунта, сюжет выглядит сюрреалистическим.

Еще одно большое село – Новые Бурасы Саратовского уезда. В конце декабря 1917 г. фронтовики предложили на одном из общих собраний упразднить „ничего не делающие и отжившие” крестьянские советы и управы. Совет тут же на собрании был избран, однако управа не передала дела и не допустила до работы, ибо из уезда не поступало никаких указаний. Зато через полтора месяца

после постановления уездного совещания гласных и представителей волостения об организации советов, совет был организован, сопротивление волостной управы быстро сломлено. Волисполком „выезжал на кулаках”, и в апреле 1918 г. „кулаки” на перевыборном собрании взяли верх, но крестьяне постепенно стали исчезать с собрания, а оставшиеся 13 – 15 человек не решились подписать протокол. На следующий день революционная часть села организовала свое собрание, которое дезавуировало прежнее решение. Следующая стычка состоялась в июле. Конtribusiция на „кулаков” совпала с мобилизацией лошадей. „Кулаки” потребовали в таком случае вернуть контрибуцию, а после отказа собрали самочинное собрание. Это собрание переизбрало совет, решило не давать лошадей, приказало старому совету вернуть контрибуцию. Подписи на протокол собирали по домам. Размежевание продолжалось, „красная” часть села даже переселилась в лес, состоялся обмен ультиматумами, но кровь не пролилась. До крови дошло, когда явились красные отряды со стороны [4, 3 – 9]. Как видно, роль санкции, „бумаги” в этой многомесячной борьбе весьма велика.

В Барановской волости летом 1918 г. совет крестьяне разогнали и выбрали земскую управу. В июле пришел красный отряд и, назвавшись белым (нередкий прием!), потребовал члена управы. Тот явился, начал ругать советскую власть и был тут же убит. После этого председатель сельсовета забил дверь управы досками – нет власти, нет ответчиков [5, 9 – 10]! В хвальинской Меровке похожую ситуацию разрешили по-другому. В 1918 г. там один и тот же человек именовался красными председателем сельсовета, а белыми – старостой, и имел две печати [6, 24]. В эти летние месяцы по уезду двигался фронт, сменяли друг друга белые и красные импровизированные отряды.

В заволжском Сулаке зажиточная часть деревни после организации совета попыталась спасти земство, переименовав его тоже в совет. Советов стало два. При этом второй совет организовался путем отбора у всех поголовно семей, включая, 8-летних детей, „подписок”, что должно было имитировать общее собрание. В аткарском Морце сельсоветчики обязали священников подпиской за набатный звон в критический момент, в Морецком Хуторе составляли круговую поруку за „кулака”, арестованного советом. На станции Барнуковка в 1918 г. была раскрыта организация, подписавшая договор на уничтожение красноармейских семей [7, 2; 8, 2, 5; 9, 3]. Подобных примеров „подписок” весьма много – так „оформлялись” и заговоры, и политические размежевания внутри пореволюционной деревни, и общее решение по важному вопросу. При мобилизациях в противоборствующие армии, когда фронт стремительно двигался, и военное счастье было очень переменчивым, крестьяне имели устойчивое пристрастие ко всякого рода удостоверениям о том, что они призваны принудительно [10, 172; 11, 93; 12, 91]. Это считалось спасением от ответственности при попадании в плен. Подобная „страховка” была широко распространена и ценилась крестьянами.

Таким образом, в условиях отсутствия „верной” власти и опасности оказаться ответчиком при неблагоприятном повороте событий, крестьяне обратились к системе общего санкционирования, к каким-то сдерживающим механизмам. Отсюда и парадоксальные сочетания: бунт, восстание – и забота о составлении протокола, беготня по дворам за подписями и т. п. „пустяки”. Сходные сюжеты были в порядке вещей. Всякого рода местные заговоры также страховались общей подпиской. Даже уставшая от войны, заметно расколотая правительственными реформами предреволюционного периода деревня инстинктивно сопротивлялась „углублению революции” и дальнейшим расколам. Это проявлялось в частом и стойком нежелании „революционно” (то

есть несправедливо) раскладывать налоги, общем решении, отзываться или нет на те или иные требования власти, иногда – в желании избавиться от „вредных”, сеюших раздор, членов.

Между прочим, такой стереотип власть могла использовать. Дело часто решал волевой импульс, срабатывала настойчивость власти. Если, скажем, крестьянское восстание было подавлено не до конца, и дело кончилось просто набором жестокостей и прочими демонстративными акциями устрашения, то можно было ожидать при удобном случае нового, более широкого всплеска повстанческой борьбы. Если же власть показывала, что не отступится, умела продемонстрировать безвыходность положения повстанцев и довести подавление до конца, с „изъятием вредного элемента”, то происходил перелом: сходы вынуждены были „выкупать” свое участие в восстании выполнением всех требований, прежде всего – поставок и выдачи дезертиров; вооружались, укреплялись и награвливались на недовольных местные активные меньшинства – агенты власти. Таким образом, деревня отдавала ресурсы, „замирялась” и осознавала безнадежность открытой борьбы. Первый стереотип более характерен для власти белой, второй – для красной. Результат – и для исхода Гражданской войны, и для судьбы деревни в целом – известен.

1. Нарский И. *Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг.* М.: РОССПЭН, 2001.
2. Станиславский А. Л. *Гражданская война в России 17 в. Казачество на переломе истории.* М.: „Мысль”, 1990.
3. *Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).* – Ф. 199. – Оп. 3. – Д. 310.
4. ГАНИСО. – Ф. 199. – Оп. 3. – Д. 37.
5. ГАНИСО. – Ф. 199. – Оп. 3. – Д. 247.
6. ГАНИСО. – Ф. 3288. – Оп. 12. Д. 84.
7. ГАНИСО. – Ф. 199. Оп. 3. – Д. 124.
8. ГАНИСО. – Ф. 199. Оп. 3. Д. 500.
9. ГАНИСО. – Ф. 199. – Оп. 3. – Д. 744.
10. Посадский А.В. *Саратовское крестьянство в условиях гражданской войны* // Клио. Журнал для ученых. 1997. №3.
11. Шкуро А.Г. *Записки белого партизана* // Трагедия казачества. М., 1994.
12. Санников А.С. *Одесские записки* // Вопросы истории. 2001. №6.

Н. Романець

ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ ПОЛІТИКИ РОЗКУРКУЛЕННЯ НА ПОЧАТКОВОМУ ЕТАПІ СУЦЬНОЇ КОЛЕКТИВІЗАЦІЇ (СІЧЕНЬ - БЕРЕЗЕНЬ 1930 Р.)

Історія „соціалістичної перебудови” аграрного сектора кінця 20-х – початку 30-х рр. ХХ ст. протягом останніх десятиліть викликає незмінну зацікавленість вітчизняних і зарубіжних науковців, про що свідчить багатотомна історіографія проблеми, представлена роботами С.Кульницького[1], Є. Шаталіної [2], К. Конквеста [3], М. Івницького [4] та ін. Серед різноманітних аспектів „великого перелому” особливе місце займає тема розкуркулення селянства, в першу чергу, з погляду на ті катастрофічні